

Публикации аспирантов

УДК 811.161.1.(082)

Айтасова С.И.

*Поволжская государственная
социально-гуманитарная академия (г. Самара)*

ЭВФЕМИЗАЦИЯ В ХУДОЖЕСТВЕННОМ ПРОСТРАНСТВЕ Н.В. ГОГОЛЯ*

V. Aytasova

Samara State Academy of Social Sciences and Humanities

EUPHEMISATION IN THE WORKS OF N. GOGOL

Аннотация. Осуществлен семантико-функциональный анализ заменяющих наименований в творчестве Н.В. Гоголя с позиций эстетических воззрений на слово. Выявленные заменяющие наименования художественного пространства цикла повестей «Вечера на хуторе близ Диканьки» Н.В. Гоголя эстетически оправданы, поскольку применены: 1) для замены «точных названий пугающих предметов и явлений»; 2) при нежелании называть что-либо неприятное, отвратительное своим прямым именем; 3) для обозначения того, что в данную эпоху и в данном конкретном социуме считается неприличным; 4) во избежание прямого наименования из боязни обидеть либо собеседника, либо третье лицо. Эвфемизация в поэме «Мертвые души» связана, главным образом, с категорией неопределенности.

Ключевые слова: эвфемизация, эвфемизмы, категория неопределенности, неопределенные местоимения, эстетическое кредо.

Abstract. The approach to semantic and functional analysis of euphemisms in the creation of N. Gogol from the aesthetic views on the word is suggested in the article. The analysis of euphemisms shows that these linguistic units in the Nights on a Farm near Dikánka by N. Gogol are aesthetically justified as they are applied: 1) to replace "exact names of frightening objects and happenings"; 2) to avoid calling something unpleasant and disgusting by its right name; 3) to express something that in the given time was considered indecent in the society; 4) to avoid direct nomination in order not to offend either an interlocutor or a third person. Euphemisation in the poem Dead Souls is due mainly to the category to indefiniteness.

Key words: euphemisation, euphemisms, category to indefiniteness, indefinite pronouns, aesthetic credo.

Обращение к творчеству Н.В. Гоголя не случайно. Один из крупнейших современных исследователей В.П. Москвин в работах по проблемам эвфемии в русистике апеллирует к творчеству немалого числа писателей, довольно значительна при этом позиция Н.В. Гоголя.

«Визитной карточкой» эвфемии может служить цитата из «Мертвых душ» о том, что «*Дамы города N отличались, подобно многим дамам петербургским, необыкновенною осторожностью и приличием в словах и выражениях. Никогда не говорили они: я **высморкалась**, я **вспотела**, я **плюнула**, а говорили: я **облегчила себе нос**, я **обошлась посредством платка***». И кому, как не мастеру слова, удастся донести до читателя самую глубину русского слова, когда

---

* © Айтасова С.И.

вместо грубого и неприличного можно сказать то же самое изысканно и деликатно.

В «Выбранных местах из переписки с друзьями» Н.В. Гоголь так определил основную черту своего творчества: «Обо мне много толковали, разбирая кое-какие мои стороны, но главного существа моего не определили. Его слышал один только Пушкин. Он мне говорил всегда, что еще ни у одного писателя не было этого дара выставлять так ярко пошлость жизни, уметь очертить в такой силе пошлость пошлого человека, чтобы вся та мелочь, которая ускользает от глаз, мелькнула бы крупно в глаза всем. Вот мое главное свойство, одному мне принадлежащее, и которого точно нет у других писателей» [цит. по: 15, с. 440]. И далее позволим себе привести следующее утверждение гоголеведа: «Пожалуй, как это ни удивительно, с тех пор писателей, сравнимых в этом отношении [в плане тонкого проявления эстетического вкуса] с Гоголем, так и не появилось. Быть может, в предельном виде развил это свойство гоголевской прозы один только Владимир Сорокин, но у него выставляется на всеобщее обозрение уже не пошлость жизни, а пошлость слов, которыми саму жизнь обыкновенно описывают. Владимир Набоков пошлость замещает литературной игрой, а Михаил Булгаков уничтожает пошлость современности высоким светом перевосзданной евангельской легенды» [15, с. 440].

В рамках данной статьи хотелось бы охарактеризовать процесс эвфемизации как один из способов выражения эстетического кредо Н.В. Гоголя. В связи с этим цель принятого исследования видится в том, чтобы показать, что эвфемизм – одно из средств выражения эстетического кредо Н.В. Гоголя.

Предмет настоящего исследования – эвфемизмы в творчестве Н.В. Гоголя (на примере цикла повестей «Вечера на хуторе близ Диканьки» и поэмы «Мертвые души»). Задачей исследования является семантико-функциональный анализ заменяющих наименований в творчестве писателя с позиций эстетических воззрений на слово.

Говоря об эвфемизации в творчестве Н.В.

Гоголя, нельзя не указать на целый эвфемистический персонаж, отмеченный литературоведом М.Н. Виролайнен: «Поэтика слова Ивана Ивановича – это поэтика эвфемизма, который мистифицирует, прикрывает реальный смысл. Грубо-материальное эвфемизм переносит в мнимо-возвышенную сферу» [2, с. 345].

Так, эвфемистические слова и сочетания (они же заменяющие, смягчающие наименования) призваны замещать исходное обозначение более позитивно окрашенными конструкциями, а значит, выраженными в более эстетичной форме. Данный процесс мы рассматриваем как процесс эвфемизации в художественном пространстве. Важную роль при эвфемизации речи играет осознание негативной оценки денотата [8, с. 389]. А.С. Карпова подчеркивает, что «эвфемизация является процессом вторичной номинации с установкой на уменьшение негативного эффекта наименования» [6, с. 152]. Когда говорят, что некто *глуп, медлителен*, то выражают информацию об объективных свойствах и отмечают, что с точки зрения говорящего «плохо» (относительно стандартного представления о норме) [14]. Субъект речи высказывает в данном случае свое оценочное отношение к объекту. Можно использовать эвфемистические (смягчающие) выражения для обозначения качеств человека. Например:

Парубок заметил тот же час, что отец его любезной не слишком далек, и в мыслях принялся строить план, как бы склонить его в свою пользу («Сорочинская ярмарка», гл. III). Эвфемистическое сочетание разной степени спаянности компонентов '*не слишком далек*' вместо '*глуп*';

Девушки подняли крик, перемешались; но после, ободрившись, перебежали на другую сторону, увидя, что Каленик не слишком был скор на ноги («Майская ночь, или Утопленница», гл. II. Голова). Эвфемистическое сочетание '*не слишком скор на ноги*' вместо '*медлителен*'.

Приведенные эвфемистические выражения для обозначения качеств человека передают отношение к объекту речи в более вежливой форме.

Наиболее обстоятельной для характеристики основных функций эвфемизмов в художественном пространстве цикла повестей «Вечера на хуторе близ Диканьки» Н.В. Гоголя [3] считаем работу В.П. Москвина «Эвфемизмы: системные связи, функции и способы образования» [12, с. 58–70]. Опираясь на предложенную ученым классификацию функциональных типов эвфемизмов, рассмотрим заменяющие наименования в означенном цикле повестей с позиций эстетических воззрений на слово.

1. В качестве примера В.П. Москвин приводит довольно значительное количество эвфемистических наименований для замены слов тематической сферы «Смерть». Следуя за ученым, приведем пример гоголевского эвфемизма данной сферы: *И вон, видишь ли ты... – Тут оборотился Левко к Ганне, указывая пальцем на дом. – Гляди сюда: вон, подалее от дома, самый высокий берег! С этого берега кинулась панночка в воду, и с той поры не стало ее на свете...* («Майская ночь, или Утопленница», гл. I. Ганна). Эвфемистическое сочетание разной степени спаянности компонентов (термин В.П. Москвина [см. 11, с. 6-7]) *‘не стало ее на свете’* вместо *‘умерла’*.

Объектом эвфемистической замены могут стать также наименования некоторых заболеваний, приводящих к смерти. Эвфемизмов данной категории в художественном пространстве обозначенного цикла повестей не выявлено.

2. Эвфемизмы используются и при нежелании называть что-либо неприятное, отвратительное своим прямым именем. Данной функцией в названном цикле повестей, на наш взгляд, обладают эвфемизмы и эвфемистические сочетания наименования сверхъестественных сил:

– Не бойся, серденько, не бойся! – говорил он [Грицько] ей вполголоса, взявши ее руку, – я ничего не скажу тебе худого!

“Может быть, это и правда, что ты ничего не скажешь худого, – подумала про себя красавица, – только мне чудно... верно, это лукавый!..” («Сорочинская ярмарка», гл. II). Лексический эвфемизм (термин В.П. Моск-

вина [см. 11, с. 6-7]) *‘лукавый’* вместо *‘черт/дьявол’*.

3. Эвфемистически может быть обозначено то, что в данную эпоху и в данном конкретном социуме считается неприличным. Приведем примеры эвфемизмов этого функционального класса. В предисловии к первой части «Вечеров на хуторе близ Диканьки» читаем характеристику дьяка диканьской церкви Фомы Григорьевича: *Никто не скажет также, чтобы он когда-либо утирал нос полою своего балахона, как то делают иные люди его звания; но вынимал из пазухи опрятно сложенный белый платок, вышитый по всем краям красными нитками, и, исправивши что следует, складывал его снова, по обыкновению, в двенадцатую долю и прятал в пазуху...*

Созданию положительного образа персонажа Фомы Григорьевича способствует употребление эвфемистического сочетания разной степени спаянности компонентов *‘исправивши что следует’* вместо грубого и неприличного для данной эпохи выражения *‘высморкавшись’*.

Такого рода эвфемизмы Б.А. Ларин именовал бытовыми. Ученый справедливо полагал, что для этого разряда наименований характерны «ограничение кругом представлений из области физиологии и анатомии человека», а также употребительность «по преимуществу в разговорной речи» [10, с. 113].

4. Следующий функциональный тип связан с этикетом. Этикетные эвфемизмы используются, по мнению В.П. Москвина, когда говорящий избегает прямых наименований из боязни обидеть либо собеседника, либо третье лицо. «В этом случае эвфемистической замене подвергаются слова вполне приличные, однако, с точки зрения говорящего, обидные для того, о ком идет речь» [12, с. 62]:

К этому присоединились еще увеличенные вести о чуде, виденном волостным писарем в развалившемся сарае, так что к ночи все теснее жались друг к другу; спокойствие разрушилось, и страх мешал всякому сомкнуть глаза свои; а те, которые были не совсем

храброго десятка и запаслись ночлегами в избах, убралась домой («Сорочинская ярмарка», гл. VII).

Эвфемистическое сочетание *‘те, которые были не совсем храброго десятка’*, включающее в свой компонентный состав устойчивое выражение *‘не храброго десятка’*, закрепленное в языке, употреблено вместо прямого и менее образного именованья порочного качества трусости.

5. По мнению В.П. Москвина, довольно значителен в русском языке пласт эвфемизмов, используемых «с целью искажения или маскировки подлинной сущности обозначаемого» [1, с. 590] [цит. по: 12, с. 63].

Данный пласт эвфемизмов в художественном пространстве названного цикла повестей представлен менее широко в сравнении с другими функциональными типами эвфемизмов.

Итак, семантико-функциональный анализ эвфемизмов показывает, что выявленные заменяющие наименования художественного пространства цикла повестей «Вечера на хуторе близ Диканьки» Н.В. Гоголя эстетически оправданы, поскольку применены: 1) для замены «точных названий пугающих предметов и явлений»; 2) при нежелании называть что-либо неприятное, отвратительное своим прямым именем; 3) для обозначения того, что в данную эпоху и в данном конкретном социуме считается неприличным; 4) во избежание прямого наименования из боязни обидеть либо собеседника, либо третье лицо.

Функцией «обозначения непристижных, с точки зрения данного социума, профессии, организации» (по классификации В.П. Москвина) выявленные в художественном пространстве цикла повестей «Вечера на хуторе близ Диканьки» Н.В. Гоголя эвфемизмы не обладают.

Эвфемизация в поэме «Мертвые души» [4] связана, главным образом, с категорией неопределенности. Категория неопределенности, как самостоятельная в русском языке, объединяет многочисленные прагматические задачи говорящего: заинтересовать, сказать так, чтобы не обидеть, приукрасить, создать

адресату условия для сотворчества, ввести в заблуждение, сделать речь убедительной, что вполне соответствует целям эвфемизации в художественной речи.

Одним из основных средств выражения семантики неопределенности в русском языке являются неопределенные местоимения [13]. Многие исследователи эвфемизмов русского языка указывают на то, что местоимения способны употребляться в качестве эвфемизмов (Ж.Ж. Варбот, Л.П. Крысин, В.П. Москвин и др.). Об использовании неопределенных местоимений в функции эвфемизмов говорится в работах С.М. Кузьминой, В.З. Санникова, Е.П. Сеничкиной и др. [цит. по: 5, с. 100].

Рассмотрим неопределенные местоимения (НМ) с различными компонентами-частицами, зафиксированные в поэме Н.В. Гоголя «Мертвые души» в функции заменяющих наименований.

1. С компонентом *-то*:

...*какой-то* злой дух толкал его...;

...начал он заводить... *какие-то* внешние порядки...;

...в лице его показалось *какое-то* напряженное выражение...

Местоимение *какой-то* в русистике описано с исчерпывающей полнотой (Н.Д. Арутюнова, О.П. Ермакова, С.М. Кузьмина, Т.М. Николаева и др.). Исследователями выделяется разное количество значений для НМ *какой-то*. Таково, к примеру, толкование С.М. Кузьминой: 1) *в момент речи говорящему неизвестно какой*; 2) *точно не определяемый*; 3) *небольшой, незначительный*; 4) *не заслуживающий внимания*; 5) *похожий на...* (курсив наш. – С. А.) [9].

В приведенных примерах развивается первое и второе значения: чаще речь идет о неизвестных лицах или качествах, точно не определяемых.

2. С компонентом *-нибудь*:

...из боязни встретить *что-нибудь* на лицах.

Местоимению *какой-нибудь* в лингвистике свойственны следующие значения: 1) *безразлично какой*; 2) *тот или иной, точно*

не определяемый; 3) *небольшой, незначительный*; 4) *не заслуживающий внимания*; 5) *похожий на...*, *вроде*. (курсив наш. – С.А.). Значения *третье, четвертое* и *пятое* являются вторичными, модально-оценочными (С.М. Кузьмина, Т.М. Николаева, Е.П. Сеничкина и др.).

3. С компонентом *кое-*:

...можно и заглянуть *кое-куда*;

...попробовал еще *кое-что* прибавить, но *кое-что* совсем не вышло.

Говорящий, употребляя данный компонент с семантикой намека, не считает нужным уточнить, какой именно предмет он имеет в виду. При этом важно, что говорящий, выделяя этим местоимением объект, умышленно не уточняет его, хотя и мог бы; имеет намерение умолчать о его свойствах.

Э.Ф. Керо Хервилья замечает, что в контексте местоимения *кое-какой* имя существительное часто употребляется в уменьшительной форме, что как бы говорит об определенном уровне интимизации референта со стороны говорящего [7, с. 128].

Приставка *кое-* в составе неопределенного местоимения часто носит эвфемистический характер: с ее помощью автор высказывания нередко маскирует то или иное негативное, всем известное явление, «одевая» его в «одежду» неизвестного.

Творческая манера Н.В. Гоголя отличается особенностью апеллировать к словам и словосочетаниям с неопределенной семантикой в целях создания комического эффекта. Перечислим ряд подобных эвфемистических оборотов.

1. Словосочетание *какой-нибудь этакий/эдакий*:

...следить *какую-нибудь этакую* науку...;

Вдруг *какой-нибудь эдакой*... Невский проспект...;

Эдакой, какой-нибудь, то есть, капитан Копейкин...;

...из окна *выглядывает... семга эдакая*.

Компонент *этакий/эдакий* явно разговорного типа максимально диффузной семантики: это может быть обозначение неизвестного

явления, а может использоваться в качестве указателя на оценку факта, предмета, лица.

2. Сочетание *что-то вроде* (с элементом сравнения):

Случилось *что-то вроде* любви...;

...Послал ему *что-то вроде* свиньи;

Тогда чувствуешь *какое-то, в некотором роде, чувство*... .

3. Разнородные сочетания с семантикой неопределенности:

...что за жизнь? *Так как-то себе*;

...на четвертое место явилась очень скоро, *трудно сказать утвердительно, кто такая, дама или девица*...

В данной рубрике объединены такие сочетания с семантикой неопределенности, которые не укладываются в строгие рамки из-за неоднородности своего лексического состава.

Стилистическая и художественная функция подобных оборотов состоит в создании речевой характеристики персонажа (речь Манилова испещрена словами-«паразитами», сочетанием ‘в некотором роде’), в намеренном использовании автором с целью обобщения и для создания комического эффекта. Перечисления ряда предметов, признаков автор подытоживает неопределенным оборотом. Так, описав местность и деревню, Н.В. Гоголь сообщает: «Словом, *виды известные*».

Особо остановимся на обороте с компонентом «известно/неизвестно», который является достаточно продуктивным в анализируемом произведении. Приведем некоторые из них: *Покой был известного рода, ибо гостиница была тоже известного рода*...; *Все эти толки, мнения и слухи, неизвестно по какой причине, больше всего подействовали на бедного прокурора*.

Компонент ‘известно’ обозначает факты действительности отсылочным способом и посредством этого передает семантику неопределенности. Причем отсылка, казалось бы, к известному факту, что следует из семантики самого слова, предстает неоднозначной: каждый читающий догадывается, что речь идет о не совсем позитивном факте, но раз-

мытость значения слова дает простор для дополнительных семантических включений и ассоциаций.

Так, после описания гостиницы с вполне конкретным интерьером Н.В. Гоголь делает обобщение: *Покой был известного рода, ибо гостиница была тоже известного рода*. В силу того, что гостиница не вполне комфортабельная и обустроенная, а таких гостиниц в стране большинство, такое обобщение, явно эвфемистическое, приобретает оттенок комизма.

Эстетическое кредо писателя так определено самим Н.В. Гоголем в статье «Искусство есть примирение с жизнью»: «Искусство есть водворение в душу стройности и порядка, а не смущения и расстройства <...> Искусство должно выставить нам все дурные наши народные качества и свойства таким образом, чтобы следы их каждый из нас отыскал прежде всего в себе самом; и подумал бы о том, как прежде всего с самого себя сбросить все, омрачающее благородство природы». Исследование творчества Н.В. Гоголя, по нашему мнению, вполне обоснованно с позиций теории эвфемии в современной русистике. Проведенный семантико-функциональный анализ заменяющих наименований в творчестве Н.В. Гоголя показывает, что эвфемизм может служить вполне оправданным средством выражения эстетического кредо Н.В. Гоголя.

ЛИТЕРАТУРА:

1. Арапова Н.С. Эвфемизмы // Лингвистический энциклопедический словарь / Гл. ред. В.Н. Ярцева. – М.: Сов. энциклопедия, 1990. – С. 590.
2. Виротайнен М. Речь и молчание: Сюжеты и мифы русской словесности. – СПб.: Амфора, 2003. – 503 с.
3. Гоголь Н.В. Собрание сочинений в шести томах. Т. 1. – М.: Гос. изд-во художественной литературы, 1952. – 352 с.
4. Гоголь Н.В. Собрание сочинений в шести томах. Т. 5. – М.: Гос. изд-во художественной литературы, 1953. – 464 с.
5. Горшкова Л.А. Семантика и функции неопределенных местоимений в прозе Б.К. Зайцева: дис. ... канд. филол. наук. – Самара, 2005. – 187 с.
6. Карпова А.С. Об эвфемистической функции фразеологических единиц // Актуальные вопросы филологии и методики преподавания: Межвуз. сб. Ч. 1. – Ростов-на-Дону, 2001. – С. 152-156.
7. Керо Хервилья Э.Ф. Сопоставительное изучение категории определенности / неопределенности в русском и испанском языках. – М.: Едиториал УРСС, 2001. – 198 с.
8. Крысин Л.П. Эвфемизмы в современной русской речи // Русский язык конца XX столетия (1985–1995). – М.: Языки русской культуры, 1996. – С. 384-407.
9. Кузьмина С.М. Семантика и стилистика неопределенных местоимений // Грамматические исследования. Функционально-стилистический аспект. Суперсегментная фонетика. Морфологическая семантика. – М.: Наука, 1989. – С. 158-231.
10. Ларин Б.А. Об эвфемизмах // История русского языка и общее языкознание. – М.: Просвещение, 1977. – С. 101-114.
11. Москвин В.П. Эвфемизмы в лексической системе современного русского языка. – Волгоград: Перемена, 1999. – 58 с.
12. Москвин В.П. Эвфемизмы: системные связи, функции и способы образования // Вопросы языкознания. – 2001. – № 3. – С. 58-70.
13. Сеничкина Е.П. Специфика категории неопределенности в русском языке. – М.: МГПУ, 2004. – 78 с.
14. Сеничкина Е.П. Эвфемизмы русского языка: Спецкурс: Учебное пособие. – М.: Высшая школа, 2006. – 151 с.
15. Соколов П.В. Гоголь. Энциклопедия / Б.В. Соколов. – М.: Алгоритм, Эксмо, Око; 2007. – 736 с. (Энциклопедия великих писателей).